

примчивости, ни даже желания перечить окружающим» (стр. 214). А поэтому здесь нет никакого «конфликта» двух поколений. Однако эта характеристика образа героя Д. С. Лихачевым не встретила отклика в последующей литературе о Повести о Горе-Злочастии [А. А. Кайев (72), М. О. Скрипиль (78)].

Если в толковании образа доброго молодца мы видим относительное единство, то гораздо большие разногласия замечаются в трактовке другого образа памятника — Горя-Злочастия. Фантастичность Горя-Злочастия, тесно вплетенного в реальную обстановку, изображенную в этом произведении, сразу обратила на себя внимание исследователей. С тех пор не было ни одной работы о Повести о Горе-Злочастии, которая так или иначе не охарактеризовала бы этот образ. Соответственно духу времени второй половины XIX века образ Горя-Злочастия заинтересовал ученых прежде всего с генетической стороны. Тотчас после открытия и опубликования памятника разгорелась полемика между Костомаровым и Буслаевым по поводу генезиса Горя-Злочастия. Костомаров, как известно, выдвинул гипотезу мифологичности Горя в Повести и сводил его происхождение к античности (сравнение с Эвменидами) (17, 18); Буслаев же давал этому образу психологическую характеристику и объяснял его как художественное олицетворение темной совести молодца (20, 21). С тех пор споры не затихали, хотя ученые и не выдвигали ничего нового. Поборниками мифологичности Горя были Потебня (22), Афанасьев (23), Пыпин (40) и др. Мнение Буслаева отстаивали Марков (34), Полевой (37), Архангельский (46). В советский период этот вопрос тоже остался неразрешенным: например, в «Истории русской литературы», под ред. В. А. Десницкого (64), Горе-Злочастие определяется как художественное олицетворение; А. С. Орлов (66) говорит о Горе в Повести как о мифическом существе. Однако в настоящее время исследователей больше интересует толкование образа Горя-Злочастия.

Еще Костомаров во вступительной статье к первому изданию Повести обратил внимание на сходство ее идей с украинской песней о Лихе-Доле (17). В следующей работе «О мифическом значении Горя-Злочастия» (18) он уже более определенно рассматривает Горе-Злочастие как образ, в основе которого лежит понятие русским и украинским народами человеческой Доли-Недоли. Подробно развил эту мысль А. Н. Веселовский. Сравнив представления о судьбе (доле) у различных народов, Веселовский пришел к выводу о двойственном характере образа Горя в Повести, о том, что в этом образе сливаются народные представления о лихой доле с демонологическим мотивом христианско-библейской легенды (28, 30, 31). Это заключение было подхвачено другими исследователями, в ряде случаев дополнено различными параллелями и до сих пор никем не опровергнуто.

В последующей литературе о Повести больше говорилось о народности Горя-Злочастия, чем о его связях с книжной традицией. Некоторые ученые прямо, хотя и без достаточного основания, утверждали его заимствование из народных песен о доле [Полевой (37), Архангельский (46)]. В наше время сложность образа Горя-Злочастия является вне всяких сомнений. Против излишней фольклоризации Горя в Повести выступает Д. С. Лихачев (71). Он считает, что народный образ Горя в памятнике значительно усложнен и переосмыслен; чужд фольклорному пониманию тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу.

С характеристикой образа Горя в Повести о Горе-Злочастии тесно связан не менее сложный и запутанный вопрос о влияниях. Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями. С самого